

Ладно, ничего страшного. Первая дневная пара — основы маоизма, и они будут сидеть в одной аудитории. Чу Юньсянь не станет прогуливать лекцию только ради того, чтобы с ним не пересекаться.

Цинь Хуань пришёл пораньше и устроился на самой последней парте у двери. План был прост: как только Чу Юньсянь войдёт, сразу взять его в оборот.

Но тот беззаботно вошёл через переднюю дверь, выбрал место у окна на первом ряду и уселся там, даже не взглянув в сторону затаившегося преследователя.

Нет в жизни обиды горше: ты ждёшь человека с замиранием сердца, а он умудряется проигнорировать тебя с поистине виртуозным равнодушием...

Цинь Хуань пересел к нему на первую парту.

— Ты почему не по сценарию действуешь? — спросил он.

Чу Юньсянь мазнул по нему взглядом и отвернулся — лень было связываться.

— Да ладно тебе. Предыдущие разы ты всегда заходил через заднюю дверь, чего сегодня-то через парадную пошёл?

Чу Юньсянь снова закатил глаза.

— Ты думаешь, все любят через задний проход заходить?

В этот момент в аудиторию вошёл преподаватель, и гул голосов понемногу утих. Впрочем, слушать лекцию мало кто собирался. К основам маоизма студенты всегда относились прохладно, так что большинство использовало эту пару просто для того, чтобы доспать упущенные ночью часы.

Цинь Хуань запоздало сообразил, что его вопрос прозвучал двусмысленно, будто он только и делает, что следит за каждым шагом Чу Юньсяня. Он усмехнулся и вполголоса пробормотал:

— Тоже верно. Но даже если я и решу воспользоваться задней дверью, твоя останется нетронутой. Входить сзади — это, знаешь ли, целый священный ритуал, не надо к нему так легкомысленно относиться.

До Чу Юньсяня наконец дошёл непристойный подтекст этих слов. Сам он порой тоже был не прочь отпустить сальную шуточку, но их отношения с Цинь Хуанем явно ещё не зашли так далеко, чтобы обмениваться подобными любезностями.

Заметив, как помрачнел собеседник, Цинь Хуань испугался, что перегнул палку. Но тут он уловил, как порозовели кончики ушей Юньсяня, и это показалось ему чертовски милым.

— Гадкий утёнок, ты что, смутился? — тихо спросил он, подперев подбородок рукой и принявшись разглядывать его ухо.

Ему безумно хотелось прикоснуться к этой нежной коже, но он сдержался. Не из страха, что их снимут на камеру пронирыливые одноклассники, а просто не желая злить красавца — тот ведь с лёгкостью мог снова заблокировать его в вичате.

— Ближе к делу, — огрызнулся Чу Юньсянь.

Вокруг уже добрая половина аудитории устроилась на партах, и его самого непреодолимо клонило в сон.

Преподаватель, окинув взглядом это сонное царство, решил отвлечься от сухой теории и ушёл в исторические дебри:

— Древние мыслители порой бывали излишне консервативны. Вот Конфуций, к примеру, вещал, лежа на ложе, а его ученики внимали ему на коленях. Шло время, прогресс не стоял на месте: учитель стал вещать сидя, а стоявшие ученики сели. Эпохи сменяли друг друга, и вот уже учитель встал, а ученики расселись по местам. И наконец мы достигли вершины этой эволюции: вы теперь сладко дремлете на партах, а я...

Лектор многозначительно развёл руками, предоставляя аудитории самой додумать финал.

Чу Юньсянь из приличия выпрямился, хотя слушать лекцию внимательнее не стал.

Он открыл Вэйбо. Как выяснилось, его недавнее опровержение возымело обратный эффект: фанаты Цинь Хуаня забурлили с новой силой. Они с пеной у рта доказывали, что именно Юньсянь — та самая таинственная безответная любовь их кумира, и уже успели раскопать кучу нелепых улики в подтверждение своей теории. Масла в огонь подливало гробовое молчание со стороны Цинь Хуаня. Поклонники решили, что несчастный артист просто раздавлен и убит горем из-за холодного отказа.

На Чу Юньсяня обрушился шквал совершенно необоснованных нападок и упрёков. Это начинало нешуточно раздражать.

Он до хруста сжал телефон. Он поднял взгляд и наткнулся на пристальный взгляд Цинь Хуаня, который незаметно за ним наблюдал. С трудом подавив раздражение, Юньсянь выждал пару минут и процедил сквозь зубы:

— После пары не уходи.

— Ладно, — послушно отозвался Цинь Хуань с таким кротким видом, словно его только что незаслуженно обидели.

«...»

Кое-как дождавшись звонка, они вышли в коридор. Свободные от дальнейших занятий, они направились к выходу. Цинь Хуань натянул капюшон и поднял воротник чуть ли не до самых глаз, оставив открытым лишь тёмный пронзительный взгляд.

— Поехали ко мне в студию, — негромко предложил он. — Здесь слишком много лишних ушей.

Чу Юньсянь недовольно фыркнул, но спорить не стал и последовал за ним.

Музыкальная студия звезды оказалась уютным загородным коттеджем неподалёку от кампуса. Наземные этажи служили жильём для участников его рок-группы, а просторный подвал был оборудован под репетиционную базу.

Стоило им войти, как они увидели Мэй Лин, сидевшую в гостиной на первом этаже. Заметив Цинь Хуаня, девушка радостно улыбнулась, но стоило ей разглядеть за его спиной Чу Юньсяня, как она тут же сжалась в комок и забилась в самый дальний угол дивана.

«Неужели этот придурок действительно сохнет по своей нежной фиалке?» — подумал Юньсянь.

Он слишком хорошо помнил, как во время недавнего ливня Цинь Хуань со всех ног мчался к ним, безумно переживая за раненую Мэй Лин. Какая трогательная забота! А теперь этот мерзавец решил использовать его, Чу Юньсяня, в качестве громоотвода, чтобы прикрыть свою драгоценную пессию от фанатского гнева.

От этой мысли внутри всё закипало от злости.

— Не обращай внимания, Мэй Лин просто очень застенчивая. Она не хотела тебя обидеть, — Цинь Хуань повёл гостя на второй этаж, в кабинет.

Он был слишком поглощён собственными мыслями и совершенно не замечал, как мрачнеет его спутник.

— Присаживайся, — Цинь Хуань указал на мягкое кресло, а сам ненадолго отлучился и вернулся с бутылкой содовой. — Извини, ничего другого нет, мы на репетициях обычно только её и пьём.

Чу Юньсянь молча принял бутылку, поставил её на стол и сразу перешёл к делу:

— Посторонних нет, так что давай начистоту. Нам нужно серьёзно поговорить.

Цинь Хуань опустился на стул напротив. Он нервно сглотнул. Оказавшись один на один с Чу Юньсянем в запертой комнате, он неожиданно для себя разволновался. Ладони мгновенно вспотели, и он принялся незаметно вытирать их о джинсы на коленях.

Юньсянь, разумеется, не упустил из виду это замешательство.

«Ишь как занервничал. Понимает, гад, что подставил меня, вот совесть и проснулась», — мысленно усмехнулся он.

Чу Юньсянь чувствовал себя хозяином положения, поэтому заговорил с издевательской уверенностью:

— Ну и ну. Решил завести интрижку — твоё дело, теряй своих фанатов сколько влезет. Но зачем меня-то приплетать? Кто же удостоился чести пленить сердце великого красавца Циня? Вчера ты называл меня «большим сокровищем», а сегодня уже пригред другую? И после этого ты уверяешь публику, что чист как стёклышко и никогда ни с кем не встречался? И ведь верят же! Пока ты крутишь шуры-муры со своей нежной фиалкой и прячешь её здесь, отдуваться за всё приходится мне. Не думаешь, что использовать меня как ширму — это как-то непорядочно по отношению к твоей девочке?

Эти гневные упрёки прозвучали в ушах Цинь Хуаня совершенно иначе. Он приподнял брови и с лёгкой надеждой спросил:

— Ты что... ревнуешь? Мэй Лин вовсе не...

— Ревную?! Ещё чего выдумал! — вспыхнул Чу Юньсянь.

Не желая больше выслушивать этот бред, он разблокировал телефон, зашёл в Вэйбо и сунул экран прямо под нос Цинь Хуаню.

— На, любуйся! Посмотри, что ты натворил!

Цинь Хуань бегло просмотрел экран, нахмурился и небрежно швырнул мобильник обратно Чу Юньсяню. Его тоже задело, что его перебили, поэтому он заговорил развязным тоном:

— Это пишут мои фанаты, а не я. Вот с ними и разбирайся.

— А у самого ума не хватает выступить с официальным опровержением?

Цинь Хуань усмехнулся:

— Я к такому привык. Пошумят несколько дней и успокоятся. — Но тут он лукаво улыбнулся.
— Правда, теперь ситуация изменилась. Кто просил тебя лезть на рожон и строчить посты? Сам же всё испортил, теперь никто не поверит. Интересно, как долго наши фанаты будут сходить с ума от шипперского союза «Верность Цинь и Чу»?

— Ты собираешься это развенчать? — процедил Чу Юньсянь, скрежеща зубами от ярости.

— Венчаться? Ну, под венец я пока не собираюсь.

Чу Юньсянь на секунду лишился дара речи, но быстро взял себя в руки:

— Да при чём тут венец, придурок! Опровергнуть это когда собираешься? Всё уже зашло слишком далеко. Да я на тебя... в суд подам, понял?!

Впрочем, прозвучала эта угроза не слишком уверенно.

— И в чём же ты меня обвинишь? — хмыкнул Цинь Хуань.

Чу Юньсянь промолчал. Разумеется, законных оснований у него не было.

— Я тебя не домогался, не насиловал. И тут ты заявляешь, чтобы мы пошли под венец. Тебе не кажется, что это слишком поспешно? Для моей репутации это сильный удар, — Цинь Хуань поднялся с места и вплотную приблизился к гостю. Заглянув Чу Юньсяню прямо в глаза, он принялся с неподдельным интересом изучать его лицо, словно выискивая там подтверждение своим мыслям. Наконец он с торжествующим видом выдал: — Я так и знал. Ты всё-таки в меня тайно влюблён.

Чу Юньсянь подскочил как ужаленный.

— Твою мать! Да ты издеваешься надо мной?! Какая ещё любовь, ублюдок, ты совсем страх потерял?!

— Хочешь меня поймать? Мечтать не вредно, — Цинь Хуань тоже выпрямился во весь рост, нависая над ним. Атмосфера в тесном кабинете мгновенно накалилась, воздух буквально задрожал от напряжения.

Раздался глухой удар — Чу Юньсянь с размаху пнул его под колени. Не удержав равновесия, Цинь Хуань с грохотом рухнул перед ним на одно колено.

От соприкосновения сустава с жёстким паркетом вверх по ноге побежала волна острой, ноющей боли.

— Ш-ш-ш... — прошипел Цинь Хуань, потирая колено. — За что так жестоко-то?

Он поднял голову. Чу Юньсянь уже вальяжно расположился на кожаном диване, изящно закинув ногу на ногу. Он длинными тонкими пальцами с сухим щелчком откупорил бутылку содовой — с таким видом, будто он только что свернул шею злейшему врагу и теперь собирался неторопливо испить его тёплой крови.

Юньсянь сглотнул. Он бросил мимолётный, обжигающий взгляд из-под полуопущенных ресниц — невольное, но чертовски соблазнительное зрелище.

Цинь Хуань попытался подняться, но под ледяным взглядом Юньсяня его решимость испарилась. Раздался очередной глухой стук: парень покорно опустил на пол и второе колено.

Настоящий мужчина колени не преклоняет — гордость дороже золота.

Но одна ночь страсти стоит куда больше любых сокровищ.

Ради того, чтобы в будущем провести с этим красавцем хоть пару таких ночей, можно и постоять на коленях.

— Ты что, совсем с глузду съехал? — поинтересовался Чу Юньсянь.

— Кхе... Да просто пол скользкий, — Цинь Хуань прокашлялся и наконец поднялся на ноги. Лицо его тут же приняло привычное надменное выражение в стиле «я пуп земли». Смахнув невидимые пылинки с брюк, он преспокойно уселся на диван рядом с Юньсянем.

— Ну и что нам теперь делать? — спросил Чу Юньсянь. — Ты ко мне равнодушен, у тебя уже есть на примете новый объект для обожания, да и я от тебя, честно говоря, не в восторге. Твои безумные фанаты шипперят нас почём зря — уверен, тебе это так же противно, как и мне. Давай быстро решай проблему, иначе я за себя не ручаюсь.

— Что значит «мои фанаты»? Мои — считай, твои, — невозмутимо парировал Цинь Хуань.

Чу Юньсянь одарил его испепеляющим взглядом. «Какая же мерзость! И это говорит человек, который только что заявлял о взаимной неприязни!»

Хотя глупо отрицать очевидное: добрая половина «Армии семьи Цинь» уже вовсю переметнулась в лагерь шипперов «Верности Цинь и Чу»...

— Да мне плевать на твои фандомы! Кто тебя вообще просил строчить те посты? Раз уж такой смелый в сети, взял бы да объявил во всеуслышание о своих отношениях! Зачем прикрываться посторонними людьми?

Это было последнее предупреждение. Чу Юньсянь чётко обозначил свои границы. Если Цинь Хуань и дальше продолжит валять дурака, то рискует навсегда попасть в его чёрный список.

Понимая, что отступить некуда, Цинь Хуань решил раскрыть карты.

— Прости, но официально заявить об отношениях я не могу.

— Не зли меня, Хуань.

— Думаешь, я сам этого не хочу? — Цинь Хуань откинулся на спинку дивана и закрыл лицо ладонями, пряча внезапную вспышку смущения. Наконец он глухо выдавил: — Всё гораздо сложнее... Мои чувства безответны.

— Что? — переспросил Юньсянь, не расслышав тихого бормотания.

— Да безответно я влюблён, понятно тебе?! — выпалил Цинь Хуань на одном дыхании.

Пару секунд в комнате царил тишина, а затем Чу Юньсянь прыснул от смеха:

— Ха-ха-ха! Безответно?! О боже, держите меня!

Он заливался так, что едва мог дышать:

— Ну надо же! А как же байки про толпы поклонниц, готовых выстроиться в очередь от самого университета S? Наш великий писанный красавец Цинь Хуань, оказывается, страдает от неразделённой любви! Какая драма! Так вот почему ты постоянно цепляешься ко мне? Пытаешься компенсировать свои комплексы? Чёрт, да я прямо в яблочко попал!

—... Заткнись, — проворчал сквозь зубы пунцовый от стыда Цинь Хуань.

Но униматься Юньсянь и не думал. Редкая возможность поиздеваться над этим заносчивым индюком пьянила, и он продолжал хохотать во весь голос. От смеха у него перехватило дыхание, силы иссякли, и парень бессильно откинулся на мягкие подушки. Лишь когда веселье немного утихло, он осознал, в какой двусмысленной позе они оказались.

Юньсянь лежал на спине, а Цинь Хуань нависал прямо над ним, опустившись коленями по обе стороны от его бёдер. Чтобы заставить этого несносного мальчишку замолчать, он крепко

перехватил его запястья и прижал их к дивану.

В кабинете мгновенно воцарилась оглушительная тишина, нарушаемая лишь мерным, едва слышным тиканьем наручных часов.

Тёмная кожа дивана выгодно оттеняла безупречную белизну кожи Юньсяня. От безудержного смеха его щёки окрасились влажным, лихорадочным румянцем. Губы были полуоткрыты, грудь прерывисто и часто вздымалась, жадно хватая ртом воздух, а в уголках глаз поблёскивали капельки выступивших слёз. Выглядело это до безумия... искушающе.

— Юньсянь... — невольно сорвалось с губ Цинь Хуаня. В этот миг ему показалось, что его Юньюнь вовсе не бездушный ледяной кубик, каким всегда пытался казаться, и у него тоже есть сердце.

Но стоило ему на секунду потерять бдительность, как мощный пинок под дых отправил его на пол.

— Ох... — Цинь Хуань со стоном согнулся пополам, но проявил недюжинную стойкость: снова поднялся на ноги и на всякий случай попятился назад, остановившись в паре шагов от дивана.

— Ладно, — выравнивая дыхание, произнёс Чу Юньсянь. — Раз уж у тебя тут несчастная любовь, давить не стану. Но ты обязан хотя бы намекнуть своим фанатам, чтобы они не строили безумных теорий.

— Вообще-то, я уже оставил им предупреждение, — Цинь Хуань послушно вытащил мобильник и вывел на экран свой недавний комментарий.

[Цинь Хуань (Azrael): Прошу всех следить за языком. Наш новый одноклассник парень скромный и к столь бурным обсуждениям не привык.]

Чу Юньсянь онемел от такой наглости.

— Тьфу на тебя! Бесстыжий мерзавец!

Мелкие брызги долетели до лица Цинь Хуаня. Проводив взглядом сердито хлопнувшего дверью красавца, он обернулся к выходу. У косяка, облачённый в свободную домашнюю одежду, стоял Ду Лицин.

— Что, не задалось свидание? Опять домашнее насилие прилетело? — лениво поинтересовался он.

Цинь Хуань откинулся на спинку кресла. Он провёл пальцами по щеке, стирая влажные следы,

оставленные разгневанным Юнсянем.

«Если округлить, — подумал он с мечтательной улыбкой, — то можно считать, что Юньюнь меня только что поцеловал. И не один раз».

<http://bllate.org/book/19791/2038395>